

Восковыми белыми сторожами со всех сторон обступили Камчатку вулканы. Нагорье на фоне густого синего неба выплывало из легкой утренней дымки, разворачиваясь перед глазами Степана Крашенинникова, стоявшего на палубе «Фортуны».

Тугой напористый ветер навалился на гудящую паруса «Фортуны». Судно, понимая нетерпеливое желание человека, несло к устью реки Большой. Но отливная накатистая волна решила показать свой норов. Налетел ветер. Заскрипела, заныла старая «Фортуна», и с неумолимой жесткостью повлекло ее на камни...

Сердце Степана упало. Навострили уши белые сторожа-вулканы. Видно, красота и богатство камчатского Нагорья требовали с пришельцев платы.

...Удар парусника о риф был настолько силен, что Степан и находившийся рядом с ним казак Тихомир не удержались на палубе, полетели в воду.

Грохочущий вал потащил его на острые камни. Но какая-то сила, словно сжалившись, вытолкнула обратно.

Шквальный накат не дал Степану опомниться, накрыл. Сорванные с донного грунта, по телу прокатились мелкие камни, ударили в спину, по рукам...

Вместе с новой волной послышался Крашенинникову далекий глухой голос Тихомира. Он шел как надежда, как обещание. Но шквал отнес, смял и погасил спасительный голос. Степан оглянулся - никого. Значит, поучилось.

Неожиданно удар большой силы потащил его от угловатого выступа, бросил в уходящий поток, закручивающийся в огромные засасывающие воронки. Сердце болезненно сжалось, все в Степане зашло глубинной неутрахающей болью: «Крышка...»

- Эге-ге-гей! - явственно послышалось вновь, и на вершине всплунной водяной массы показалась голова Тихомира. - Жи-и-и-и!

«Держись, стало быть», - догадался Степан. Степан через силу пытался удержаться на плаву, но высокая волна с лихо закрученным гребнем накрыла его с головой.

Когда поток снова вытолкнул Степана на поверхность, он близко увидел Тихомира, швырнувшего ему выброску, в которую он вцепился мертвой хваткой.

Страшный шторм старательно перемалывал песок и камни, но двое мужиков, видимо, прилипли к нему по зубам, и он, рассерженный, выплюнул их прямо к обшивке потерпевшей крушение «Фортуны». Матрос помог им, обессиленным, подняться на борт.

- Крещен - жив будешь! - прохрипел Тихомир, как только под ногами качнулась палуба. Вода лила с них ручьями. - Было у нас, Петрович, либо кафтан, либо капкан. Теперь терять нечего. В кафтанах оба!

О Тихомире Степан знал совсем мало. Служивший с Камчатки, тридцать девять лет от роду, ходил по воле камчатского головы с пушной казной в Москву, сдал соболей, ныне правится обратно в Верхний остров. В полуптички попал к Степану Петровичу с самого Якутска. Душой сроден. Таких бы в экспедицию Беринга. Сам Степан молод, двадцать шестой год пошел ему, ходит еще в студенцах, окончил в Москве Славяно-греко-латинскую академию, за прилежание и хорошие успехи приглашен в Петербург, в Академию наук, и вместе с академической свитой ушел на несколько лет в экспедицию, в Сибирь. За Сибирью - Камчатка. С важным поручением послан Степан на полуостров: приглядеться к новой земле, сказать о ней правдивое слово. Взгляд у Петровича приметчивый. В Сибири чего только не наберешься. Целых три года вместе с Миллером и Гмелиным прилежно проходил он науки и немало преуспел. Прямо сказать, честно не обойден, да вот крепко бит нуждой, пришел в полное разорение.

В начале перехода вроде бы ничто не предвещало дурного.

Море по-прежнему не проявляло крутого норова, ветер держался попутным, и судно не теряло хорошего хода. Взяв ветра полными парусами, «Фортуна» легко резала короткие голые волны, вздымая над баком мелкую серебряную пыль. Вскоре утонувшее солнце побоялось за краем океана, будоража воду чуткими сплохами.

С наступлением сумерек Тихомир и Степан, намявшись за день, сразу же уснули. Крепко, хорошо спал убаяюканный морем Степан. Вскоре проbral его холодок, проснулся - над палубой пролетела чайка, от крыльев повисит. Встрепенная: «Где я?» Увидел над головой паруса, и все стало на свои места. Всплыть потянулся. Сколько в нем еще силы, сколько надежды. И так много тоски... И желания быть счастливым. А где оно, счастье-то?

Тихомир позвал его на палубу. Вечер

занимался ясный, тихий. «Фортуна» встретила стая игрунов-сивучей. Они шли с востока, озаренные светом поднимающейся из-за моря луны. Поравнявшись с судном, стая разделилась на две группы: одна пошла в почетном эскорте с правой стороны, другая - с левой. Усатые, пучеглазые великаны приветствовали парусник густым хрипловатым рыком.

Крашенинников почти с детским восторгом наблюдал за проказами неизвестных морских животных. Темно-бурые сивучи свечой вздымались из зеленоватой пучины, гибко кувыркались в воздухе и тут же снова погружались в воду, становились на глубине тоже зеленоватыми, затем опять выныривали и так ходили «колесом», пока их не спугнула касатка.

По морю живуном прошел ветер, развел волну. Размах волны становился все шире и все крепче. Со злым шипением вдоль борта пронеслась первая волна, у самого леера стегнула по штанам Тихомира. Дрожь от удара ее, измельчаясь и дробясь, покатила по всему корпусу «Фортуны».

Из шкиперской на палубу выпросталась коренастая, бородатая фигура. Голосом густым, с хрипотцой человек сказал:

- Крепи груз, робяты. Это был кормчий. Степан и Тихомир перенесли свои вещи в трюм и горловину его накрепко задраили.

Матросы поубавили парусов. Кормчий стоял, опершись локтями о резной брус-поручень, тревожно поглядывал на горизонт.

Как черт, полавший в тенета, завыл в снастях ветер, низкие рваные тучи понеслись над мачтами на зюйд-ост. Шитик зарылся в черном вареве штормового моря. Стоило произнести слово или хотя бы только приоткрыть рот, как ветер сразу же забивал дыхание, тугим кляпом вонзаясь в горло.

«Фортуна» бесшумно стонала, прохваченная от бака до кормы дрожью, и вновь зарывалась в воду.

Крашенинников от качки почувствовал себя дурно - кружилась голова, подташнивало. Чтобы удержаться на уходящей из-под ног палубе, все время надо было балансировать, уцепившись за снасти.

Тихомир, не раз уже испытывший коварство моря, обнял Степана, помог ему спуститься в кубрик.

- Приляг. Пройдет это, - успокоил он, укладывая Степана на деревянные нары.

- Укачало, умотатило меня крепко, едва слышно проговорил Степан. - Неужели долго еще идти?

- Бог весть, от погоды зависит.

- Душу отдашь нечистому.

Но шторм так же скоро кончился, как и начался. Видно, зацепил он Охотское море только слегка, краем. Пронесло адову напасть. Правда, шла еще пологая изматывающая зыбь, но и она вскоре улеглась. Крашенинников, пошатываясь, вышел на палубу, глубоко вдохнул прохладного воздуха, слабость уходила.

Море, четко охваченное океомом, было кругло, как огромная сковорода. По курсу - ни судна, ни береговых гор. Подумал о Камчатке - земля неизвестная, говорят, богатая.

- Скажи-ка, Тихомирушка, растят ли камчадалы капусту и другую овощь?

- Понятия не имею. Пробавляются лишь саранкой, рыбой да толкушей.

- А я семена везу. Надо попробовать высеять.

- Что же, дело хорошее, да вот беда - в июне случаются приморозки. Дак можно и холод обхитрить.

- Попробуем, - задумался Степан: научит он людей растить всякую огородину, да и сам от камчадалов кое-что переймет.

- У нас теперь на Проне-реке зелена кустанья, капусту сечками рубят бабы, - мечтательно вздохнул он. - Над Мещерой журавли курлычут, по лугам стога сена...

В самом деле, земли совсем непохожие. Камчатка и рязанское ополье. Горы и увалистые бескрайние поля. Каждому краю свое. Так оно и есть. Чудно, ей богу. Выходит, камчатская земляца о семи секретах: внутри жаркая, сверху студеная. Говорят, зимой в снегу горячие ключи бьют. Филя баял: смотришь - в январе цветков у ключа распустился, трава зеленая. Да мало того - тут тебе и лебеди зимуют.

Тихомир охотно и много рассказывал о Камчатке, и выходило так, что земля эта не похожа на те сибирские края, где Степан довелось побывать. Уж очень много необыкновенного таил в себе полуостров. И тайны его влекли, разжигали в сердце страсть.

Скорей бы добраться. Тихомир сказал, что прибытие в Большеерецк зависит от погоды. Попутного ветерка бы. Хорошо же, шустрого. Бойкий ветер - не шторм, душу вымотает, без помех и томленья доставит к месту.

Словно угадывая и разделяя его желания, на палубе вновь появился кормщик. В самую завируху, помнитса, кормщик улыбался, теперь же, когда море улег-

лось, бог весть с чего насупился, залез в нечесаные железные волосы, поскреб за-тылок.

- Скоро ли в Большеерецке будем? - поинтересовался Степан.

- К Нептуну куда скорей угодим, чем в Большеерецк.

- Я серьезно.

- И я без шуток. «Фортуна» растрепало качкой, в трюме течь. Леший бы драп это старое гнилое корыто.

Степан видел, как по палубе забегали матросы, расчехлили трюм, спустились по трапу вниз, и Тихомир с ними.

- Будем выбрасывать за борт весь груз! - твердо и безапелляционно, как приговор, пробубнил кормщик.

- Вы что, в уме? - крикнул вслед ему Степан и ощутил, как пальцы рук мелко задрожали, а во рту пересохло.

Степан бросился к трюму. Боцман и матросы суеились возле помпы, Тихомир

невозможно показаться на Камчатке.

Когда вода в трюме стала подбираться к грузу - у него было около четырехсот пудов - кормчий приказал вытащить груз на палубу.

Вот уже три часа без передыху, захлебываясь, работают насосы, четыре часа... Вода не убывает. Кормчий еще раз заглянул в трюм, лицо его потемнело. Он ничего не сказал боцману, а лишь повелительно кивнул - начинай, мол. И боцман «начал»...

Поднатужась, взял в обхват мешок муки, с размаху выбросил за борт.

Боже правый! Что же творится на белом свете! Степан задохнулся от отчаяния:

- Не дам! - широко раскинул он руки над своим добром.

- Ты что же, елова голова, хочешь вместе с мешками пойти на дно и нас норовишь потянуть за собой? - груда в груда

СТЕПАНОВ КРУТОЯР

Василий Золотов

Глава из неопубликованного романа

Василий Антонович Золотов писал роман о великом исследователе Степане Петровиче Крашенинникове всю жизнь. Так говорят, когда вкладывают в произведение всю душу, писательский опыт и то многое, что накапливается в течение многолетних раздумий о смысле бытия, любви к Отечеству, превратностях Судьбы. Он поставил в этом произведении последнюю точку, уже будучи полуслепым, зная, что уже недолго осталось ходить по земле Рязанщины...

В.А.Золотов приехал на Камчатку зрелым мастером, автором повестей «Придет твоя весна», «Замковый камень», «Море без чаек» и многих других, долгое время руководил секцией русских писателей в Латвии. На Камчатке он стал первым из ответственных секретарей писательской организации. Его роман «Земля горячая» был издан трижды: в Москве, Риге, Владивостоке. А вот первое художественному исследованию о С.П. Крашенинникове (до сих пор у нас в России не существовало ничего подобного) была уготована несчастливая судьба. После кончины писателя В.А.Золотова рукопись до сих пор лежит в Рязанском издательстве.

Василий Антонович трепетно и нежно относился к Камчатке и ее людям. Это чувствуется в его описании жизни Крашенинникова в главе из романа, присланной писательской организацией Рязани, которую публикует сегодня «Новая Камчатская правда».

Н.СЕЛИВАНОВА, член Союза писателей России.

Рисунок А. ГАРИСТОВА.

выводил водоотводный рукав за борт. - Бери второй насос! - крикнул Степану боцман.

На помощь прибежали плотник и конопатчик. Откачка воды пошла в два насоса, вода с шумом хлестала за борт, но течь не уменьшалась. Поток поступал сквозь скверно шитую (отсюда и название «шитик») дощатую обшивку судна, а также через щели и трещины в старых, слабо просмоленных досках. «Фортуна» настолько осела в воду, что стало заливать шпигаты. Единственным спасением было - освободить судно от находившегося на нем груза. К этому вынуждало и установившееся безветрие, не позволяющее вернуться обратно в Охотск.

Разве легко выбросить за борт все то, что с таким трудом, с такими мучениями из Якутска доставлено караваном в Охотск? Тащили груз тысячу верст, тонули в реках и болотах, задыхаясь, поднимали на перевали, калечили бедных лошадей, сами гибли! У Крашенинникова стеснило грудь. Придется выбросить за борт муку, весь припас, без которого не прожить на Камчатке. Чем же тогда проваляться?

В уныние пришел не только Степан, но и Тихомир. Ламутские мужики ждали от него котлы, топоры, женские бусы и ленты и еще много другого, без чего ему

подступил к нему боцман.

Но Степан, как ни странно, всю ярость, все отчаяние и гнев готов был обрушить не на боцмана, а на кормчего. Он, конечно, он, не кто-то другой виноват во всем. Это в него недостало умения и сноровки более искусно повести судно, чтобы не растрасти его. Он должен был смотреть в оба перед отходом, и если надо - проконопатить и засмолить обшивку парусника. Вот оно, это самое чертово «авось» на погибель нашу!

- Будь ты проклято, море! - шептал Крашенинников в страшном помрачении. Тихомир уловил блеск копившихся слез в глазах Степана, приметил в уголках его губ скорбные складочки, но вскоре парень превозмог себя, стал думать о том, что же он отпишет Миллеру и Гмелину, поймут ли господа профессора превратности ламского хода.

Скрепя сердце, Тихомир выбросил за борт самые тяжелые вещи, в том числе и котлы с демидовским клеймом «соболя», и почти весь провиант.

- На, Нептун, не гневайся!

Степан, тоже вынужденный распрощаться с доброй половиной своего груза, жадным, страдальческим взглядом провожал его в море. От отчаяния ныло сердце. Облегченная «Фортуна» выравни-

лась, поднялась из воды, течь уменьшилась, но все равно насосы работали без перерыва.

Губило безветрие. Паруса опустились, поникли, хода почти не было, и лишь на десятые сутки «Фортуна» наконец-то ожила. На далеком океане легкой синью встали горы. Берег очерчивался все ясней и ясней. Вершины одна за другой пали из тумана. Прямо по ходу судна на горизонте клубился серый пар, то расстилаясь волнистой поверхностью, то принимая очертания островов и мысов.

Крашенинников не замечал красот, в душе его не улеглась еще сумятица недавней беды. Лицо от бессоницы осунулось, глаза глубоко запали. Горечь от первой и довольно нелепой утраты не оставляла Степана. Ненадолго он забывался, поглощенный заботами, но к этой горечи и боли совершенно привыкнуть не мог.

Степан чувствовал, что все пошло не так, как он рассчитывал, выходило хуже, а может статься, что закончится и совсем плохо. Но он не мог допустить, чтобы после стольких усилий все завершилось неудачей, он чувствовал, что должен противостоять обстоятельствам. Не подвели бы силы, а решимость у него хватит.

К устью Большой реки парусник подошел 14 октября, в девять часов утра. Был отлив, и «Фортуна» за «убылою водою и за боковым ветром войти не могла», разыгрался шторм. Судно, как нам уже известно, выбросило на камни.

Вымокший Степан никак не мог прийти в себя. Ныло, щемило сердце. Море раскатно ахало. Время от времени вздрагивал Крашенинников - но не от холода, а скорее от ужаса, который только что довелось пережить. Он еще ощущал во всем теле какое-то липкое, изнуряющее состояние слабости и никак не мог примириться с тем, что и на этот раз его постигла неудача, что все его усилия по подготовке экспедиции затрачены впустую, что напрасно он подвергал себя бессмысленному смертельному риску, измотал силы. Раздавленный неудачей высадки на камчатский берег, он понял, что никакого наваждения не было, была жестокая, злая реальность, еще одна большая беда из всех бед, выпавших на его долю.

- Спасибо, Тихомир, должник я твой. Обнял бы, да вода с меня ручьем, - тихо проговорил Крашенинников. Осунувшееся лицо его дрогнуло, горло сжало.

- Ладно, ладно, чего уж там, - отмахнулся казак, - пустое. - Он тоже пережил не приведи бог, и теперь на его лице светилось что-то очень дорогое для Степана.

С тревогой на душе глядел Крашенинников на широкое речное устье. Верховой ветер за это время разогнал обложные тучи, там и сям стало поблескивать солнышко. По косогору пробежала золотистая волна, будто сдерживая с распадков пелену, сыпанула по реке пригоршней блестов.

На севере, под сахарно-сизыми гольцами, которые не таяли даже в самое ведреное лето, сочно отливали синевой увалы, а в приречных зарослях дымчатое розовел краснотал. Степан был поражен тихим, слаженным покоем и красотой берега и тут же ужаснулся тому, что не более десяти минут назад все для него могло исчезнуть. Небо, далекие горы, неуемный размах моря, запахи - они не уничтожимы, вечны. Как же может кончиться он, Степан, в котором все это сходится, живет в едином, совместном сжатом мире?

Тихомир тоже осмысля пережитое. Взгляд его уперся в накренившуюся палубу шитика.

- Мы с тобою, Степа, вроде погорельцев теперь, - заговорил он, отжимая рубаху, - перед нами одни головешки. Чего греха таить, иногда погорельцы рады и головешкам, коль ничего не осталось.

- Твоя правда, - согласился Крашенинников и тоже снял мокрую рубаху.

- Крепко тебя уделало, весь в синяках и ссадинах, - заметил Тихомир, оглядывая тело студента.

Крашенинников усмехнулся: - Не каждому дано ходить в синяках. - Верно. Синяки - достояние мужчин, им же и все шрамы в придачу, - казак повернулся спиной к студенту. - Вот, полюбуюсь, как турок на моей спине ятаганом распинался. Под Азовом было!..

Крашенинников осматрел сизые рубцы, похвалил казака:

- Ссадины и шрамы что надо!.. Это твой добрый зажиток. Выходит, богаты мы с тобой, а ты скрипишь - обедняпи, головешки одни.

Стали казак и студент осматривать да считать «головешки». У Тихомира налицо оказалось две коробки бисера, кашемировый платок, набор стамесок, мелкие булавочки, два медных чайника, муки с полмешка. Топоры и котлы пошли в дар Нептуну. Степаново богатство оказалось куда скромней: сума с писчей бумагой, томик Лукреция Кара на латинском языке, узелок с семенами моркови, капусты, репы и всякой другой огородини да еще

два барометра, а дороже всего - фунтов с пяток пшена. Как жить дальше - Богу одному известно. Но пшено и мука - это уже настоящее богатство!

- Будем вместе, как пальцы в рукавице! Судовой плотник сбил небольшой плот, и в тот же день вся команда и пассажиры переправились на берег. «Фортуна» осталась на мели.

- Придет прилив, и она поднимется, - пообещал шкипер. - Получим лодки, возьмем груз с «Фортуны», свезем в Большеерецк.

Тихомир на берегу, в затишке, разжег костер, сварил из пшена кашу, поели, обсушились, согрелись. Степан притих. Несколькими секундами сидел в сладостной не-движности, чувствуя тепло костра, зажмурившись и ощущая, как все под ним закружилось в каком-то сонном, бездумном вращении. Остерегаясь, что уснет, он огромным усилием воли заставил себя очнуться. Нет, кажется, Тихомир не заметил минутной его слабости, которой он устыдился. Время от времени поглаживал он рукав рубахи - единственное, что осталось.

На следующий день в Большеерецкий острог были посланы люди из команды с просьбой прислать баты для разгрузки сохранившегося на «Фортуне» груза и перевозки людей. Однако ко времени появления батов парусник уже был разбит. На месте крушения остались лишь обломки, а все остальное унесло в море.

«Тогда только, - отписал Крашенинников Миллеру, - поняли, сколько «Фортуна» была ненадежна - все доски были настолько черны и гнилы, что их без труда можно было разламывать руками».

Крашенинников и Тихомир оказались у разбитого корыта. Если вчера еще кое-что из их малого богатства оставалось на «Фортуне», ныне злосчастные пассажиры и того лишились. Как-будто судьба нарочно испытывала их терпение, измывалась над ними. Обида жгла Крашенинникова. Больно велик выкуп берет Камчатка с каждого пришельца. Что мы, разбойного ряда, что ли, аль каторжане, варнаки какие? С добрым сердцем пришли, дурного за пазухой не держим. Не какие-нибудь купчихи-алтынники, обманщики.

Кого испытывать-то, кого изводить жестокой измывой? Всю Сибирь Степан прошел, и ни одна порожистая река не взяла его, Байкал миловал, тонул в приишимских болотах, считай, по самое горло засасывало трясучее бучило - выбрался. Вспомнишь о пережитом - волосы дыбом. Шел года два назад за росянкой для гербария профессора Гмелина, растенище плевое, а вот поди ж ты... Оступился, угодил в прорыв, пытался выбраться - не тут-то было, не отпускает. Ночь мучилась, придавила тьма. То в жар, то в холод бросит. После глубокого провала в сознании, долгого бессилия он снова почувствовал холод воды и ужаснулся. Так нелепо отдаться смраднему бучилу!

И он вдруг поверил, что никакие из человеческих мук не бессмысленны. На рассвете своими руками, с малыми хитростями выбрался из бучила. «Врешь, не на того напал!» - грозился он кому-то, враждебно поджидавшему его на глухих перекрестках судьбы. Знал, что Миллер и Гмелин не в силах сейчас помочь ему здесь, на Камчатке. Не помогут они ни мукой, ни крупами, а спросят с него за то, что поручено, потребуют отписать, чем богата Камчатка, что за зароды осели по ее рекам, чем кормятся, чем печатся, какой веры камчатские люди, кака-живность водится в лесах, реках и в море. О соболе - особо, подробно: лучше ли он витинского. Придется помотаться по полуострову, выискать, разведывать, выпытывать, спрашивать как у людей, так и у самой камчатской земли. Она должна смилостивиться и ответить на его вопросы.

Целую неделю прожил Степан вместе с остальными пассажирами на берегу моря. В те дни он и написал рапорт Миллеру и Гмелину о беде, которая подстергла «Фортуна» в море: «Все, что было на палубах, также и из судна груз около четырехсот пуд в море сметали, и так едва спаслись... От упомянутого сбрасывания я в крайнее разорение пришел... в море сброшено и испорчено... одна сума, в которой была серая бумага, пять дестей писчей бумаги и данные мне семена... провианту моего сброшено в море одиннадцать сум, также чмождан с бельем, и больше у меня не осталось, как только одна рубашка, которая в ту пору на мне была».

Тихомир ухитрился-таки на месте крушения, среди обломков, найти кое-что из своего богатства, заодно подхватил Степанову суму с остатками писчей бумаги (высохнет - в дело пойдет). В суме среди мокрой бумаги оказался томик Лукреция Кара... и семена в малых мешочках. А между покореженными досками и при-вальной брусом заплутались два злополучных барометра. Волна благодарности к казaku вновь схватила Степана.